

Глава 24. «Тени бамбука в сливовом саду»

Пока внешний мир гудел и наполнился слухами, Цинь Юэцзин и Цзян Чэньян не обращали на это внимания — всё, чего они хотели, это просто выступить на сцене.

В завершение сегодняшней программы они подготовили отрывок из «Нефритовых напевов Двуглавой горы». Раньше Хромой Чжан исполнял эти напевы в одиночку, но теперь он переложил одну из партий, превратив её в диалог для двоих.

Когда-то, обучая их, старик поведал историю этого цикла. Разумеется, байки о том, что мелодии родились во время созерцания Двуглавой горы, были не более чем частью сценического образа. Хромой Чжан признался: «Нефритовые напевы» — это плод его собственного творчества, в котором смешались народные мотивы и те древние гимны, что он слышал в даосском храме, когда в юности обучался мастерству.

Узнав, что одним из истоков их программы была даосская духовная музыка, ученики поначалу не поверили своим ушам. Впрочем, это объясняло то ощущение неземной легкости и эфемерности, которое охватило их при первом прослушивании.

— Учитель, а буддийская музыка бывает? — любопытствовал тогда Цинь Юэцзин.

— Бывает, — невозмутимо отозвался Хромой Чжан, даже не подняв век. — Только для её исполнения нужно принять постриг.

Юэцзин тут же испугался. Для него, столь трепетно относящегося к своей внешности, волосы сейчас были дороже жизни.

Видя, как легко удалось напугать парня, старик и Цзян Чэньян не выдержали и дружно расхохотались.

Сегодняшний номер, который им предстояло исполнить, назывался «Тени бамбука в сливовом саду».

— Тени бамбука дрожат, на ложе из груши чай закипает... — первым вывел мелодию Цзян Чэньян.

Его густой, глубокий голос поплыл над залом, увлекая слушателей за собой, в лесную глушь, к укрытой в зарослях хижине. Казалось, вместе с бамбуковым ароматом в воздухе разлился тонкий запах свежесваренного чая.

Следом за ним вступил Цинь Юэцзин. Его чистый, звонкий голос подхватил нить повествования:

— Сливы плывёт аромат, у окна над книгой застыл ученик...

В воображении зрителей мгновенно возник образ юноши, склонившегося над свитком под сенью цветущих деревьев. Казалось, затихни музыка — и станет слышно, как он негромко зачитывает вслух древние трактаты.

В этот момент Юэцзин едва заметным движением вскинул руку, и зал прорезал чистый, словно столкновение драгоценных камней, звук. В его пальцах были зажаты нефритовые пластины — традиционные сябань, переданные ему учителем.

Не успело эхо затихнуть, как ответил Цзян Чэньян — его пластины издали такой же кристальный звон. Своим названием «Нефритовые напевы» были обязаны именно этим инструментам.

Ритмичные удары камня о камень, безупречно вплетенные в канву пения, создавали ощущение чего-то нездешнего, парящего над миром. Голоса двоих, сплетаясь, вызывали у слушателей приятную дрожь.

— Тени колышутся в мягком свете, в мерцании волн не пойму... То ли ты бамбук заприметил, то ли я чую сливы медовый дух...

Когда их голоса слились в финальном аккорде, мелодия обрела поистине магическую силу. Артисты обменялись короткими взглядами, и в этот миг зрителям почудилось, будто герои песни — тот, что заваривал чай, и тот, что сидел за книгой, — наконец встретились лицом к лицу.

О чем была эта песня? О любви? Едва ли. О дружбе? Тоже не совсем. Но в душах слушателей затрепетало некое щемящее, необъяснимое чувство. Цинь Юэцзин и раньше находил эту композицию необычной, почти фантастической: два независимых пространства и времени в финале вдруг соединялись в одно целое. Приходилось признать — воображение их учителя намного опережало эпоху.

Когда песня смолкла, в зале на мгновение повисла мертвая тишина. А затем пространство взорвалось громом аплодисментов и восторженными криками «браво!».

Переодевшись за кулисами, Юэцзин и Чэньян поспешили к катеру Ду Шаоюаня. Еще со сцены они заметили, как тот махал им рукой, явно желая о чем-то поговорить.

Вместо привычных бокалов с выпивкой Ду протянул им ручку и блокнот.

— Давайте, распишитесь-ка скорее. Друг попросил: его младший брат — ваш преданный фанат. Мальчишка еще в средней школе учится, в такие заведения ему нельзя, вот он и караулит каждое ваше видео в сети. Плешь брату проел — вынь да полож автографы!

Артисты переглянулись с улыбкой. Они и не подозревали, что среди их поклонников есть школьники. Не заставляя себя ждать, оба оставили размашистые подписи на страницах блокнота.

Тан Цзюнь, наблюдавший за этой сценой, усмехнулся:

— Ну всё, господа, теперь вы настоящие мэтры. Звезды первой величины.

— Да ладно вам, — скромно отозвался Юэцзин, хотя он невольно и самодовольно улыбнулся.

Цзян Чэньян, видя это забавное выражение на лице младшего брата, едва сдержал смех.

— А я серьезно, спели вы просто великолепно, — продолжал Ду Шаоюань. — Ничуть не хуже мастеров из «Зала Счастья» или «Зала Льва и Тигра». Слушайте, у моей бабули скоро юбилей, приходите выступить? Пусть её старые подружки посмотрят, какие таланты у нас в городе завелись.

— С радостью! — отозвался Чэньян.

Упоминание о празднике натолкнуло Ду Шаоюаня на другую мысль:

— Кстати, а ведь через несколько дней день рождения вашего Старейшины, верно? Как планируете отмечать? Я-то знаю, что старики любят: мой вечно кто по нефриту сохнет, кто по каллиграфии... А ваш учитель к чему пристрастие имеет?

Ду Шаоюань и его друзья, будучи верными поклонниками Хромого Чжана, и раньше не обходили его вниманием в праздники.

Цинь Юэцзин хитро прищурился:

— А вот этого я вам не скажу! Одно знаю точно — наш подарок учителю обязательно придется по душе.

Он чуть вскинул подбородок — в этом жесте сквозила такая искренняя гордость, что все присутствующие не выдержали и весело рассмеялись.

<http://bllate.org/book/17504/1659172>